

Олег Волобуев

В.И. Ленин в оценках современников — участников революционного движения: 1924 год

Oleg Volobuev (Moscow Region State University)

V.I. Lenin in the assessments of revolutionary contemporaries (1924)

DOI: 10.31857/S086956870009253-9

150-летие отделяет наше время от дня рождения В.И. Ленина, но споры об оценке его исторического места, роли и значения в истории России и мира продолжают и будут продолжаться. Уже в некрологах и других публикациях 1924 г. авторы социалистической ориентации пытались подвести предварительный итог его деяниям. Почему для нас важны эти суждения и оценки? Они давались людьми, как правило знавшими Ленина, талантливыми публицистами, часто его соратниками, резкими полемистами, видными и заметными фигурами социал-демократического и революционно-социалистического движения. За их словами стоят впечатления, воспоминания, осмысление «на ходу» ленинских заявлений и поступков. Авторы этих публикаций высказывали отношение к большевистскому вождю искренне, не боясь. Меньшевистские и эсеровские авторы-эмигранты репрессии уже пережили, у Л.Д. Троцкого они были ещё впереди.

В основу данного эссе положены следующие публикации: редакционная статья «На смерть Ленина» в заграничном печатном органе меньшевистской партии «Социалистический вестник»; некрологи в эмигрантских изданиях — главного теоретика эсеров В.М. Чернова в еженедельнике «Воля России» (Прага), В.И. Талина в журнале правых меньшевиков «Заря», М.Л. Слонима в «Революционной России» (центральный орган Партии социалистов-революционеров); фрагментарный очерк Л.Д. Троцкого «О Ленине: материалы для биографа».

Слоним начал статью с актуального и ныне рассуждения о том, что «официальные преувеличения и казённые гиперболы дают такой же скудный материал для “итога”, как и попытка представить Ленина “ничтожнейшим преступником” и столь же преуменьшить его, сколь другие возвеличивают. Объективно судить о Ленине трудно. Это сделают потомки. Современники слишком связаны ненавистью или любовью к ленинскому делу. Мы оцениваем не только личность Ленина, но и всё, что он разрушил, и то, что он сотворил. А здесь субъективизм неизбежен, законен, быть может, даже полезен»¹. Эти суждения — прекрасный эпиграф ко всей историографической Лениниане. Но надежды автора на потомков не оправдались. В советской историографии доминировали «официальные преувеличения и казённые гиперболы», в постсоветской — негативные установки. Но не будем впадать в нигилизм: появились и достойные, хотя и не свободные от субъективизма, научные работы. В зарубежной историографии, например, можно выделить публикации английского историка Р. Сервиса², а в российской — В.Т. Логинова³.

¹ Слоним М. Великий неудачник // Революционная Россия (Прага). 1924. № 33—34. С. 7.

² Сервис Р. Ленин / Пер. с англ. яз. Г.И. Левитан. М., 2002.

³ Логинов В.Т. Владимир Ленин. Выбор пути. Биография. М., 2005; Логинов В.Т. Неизвестный Ленин. М., 2010.

Обратимся к очерку Троцкого. Эти наскоро написанные воспоминания состоят из двух частей: первая посвящена «искровскому» периоду начала XX в., вторая — 1917 г. Здесь представляет интерес сопоставление Ленина-«искровца» и его же, уже большевистского вождя, в апогее 1917 — начала 1918 г. Эти две биографические точки разделили полтора десятилетия, охватившие Первую российскую революцию, Первую мировую войну и многолетие партийных «боёв». Троцкий, в частности, привёл рассказ В.И. Засулич, которая, наблюдая споры Ленина с Г.В. Плехановым о формулировках готовившейся к утверждению программы РСДРП, дала образную характеристику этим социал-демократическим поводам: «Жорж (Плеханов) — борзая: потреплет, потреплет и бросит, а Вы бульдог: у Вас мёртвая хватка». Ленину очень понравилось определение «мёртвая хватка»⁴. И Троцкий комментирует: «Засулич выразила чувственное ощущение силы Ленина». Он не разъяснил, о какой силе речь, но это понятие можно интерпретировать как некую данность качеств вождя. Чуть далее в тексте имеется такая характеристика: «Настойчивая, упорная, попирающая все условности, ни перед чем формальным не останавливающаяся целеустремлённость, которая составляет основную черту Ленина-вождя»⁵. Троцкий делал упор на слово «целеустремлённость», но можно обратить внимание и на другие определения — «попирающая все условности» и «формальное».

Троцкий сравнивал Ленина и Ю.О. Мартова «искровского» периода. Ленин, «этот величайший машинист революции не только в политике, но и в теоретических своих работах, и в занятиях философией, и в изучении иностранных языков, и в беседах с людьми был одержим одной и той же идеей — целью». В отличие от Мартова, жившего сегодняшним днём, его проблемами и заботами, Ленин, «подминая под себя сегодняшний день, врезывался мыслью в завтрашний»⁶, «Ленин всегда готовил завтрашний день, утверждая и укрепляя день сегодняшний»⁷. Накануне Первой российской революции он оценивался Троцким так: «Это был вождь, насквозь целеустремлённый и, думается, окончательно почувствовавший себя вождём, когда он в работе стал бок-о-бок со старшими, учителями и убедился, что он сильнее и нужнее». Он почувствовал себя способным дать революции «идейную оснастку и организационный аппарат». Не случайно Плеханов во время II съезда РСДРП сказал о нём: «Из такого теста делаются Робеспьеры»⁸. Для Троцкого это высокая положительная оценка, для подавляющего большинства современных историков — сомнительная честь.

В 1917 г. Ленин, по словам Троцкого, «безошибочно подслушал нарастающий напор истории на буржуазию»⁹. Ленинские «формулы выдержали проверку». Вождь чувствовал «голоса революции» — голоса пробуждающейся массы. Он «несокрушимо верил в то, что масса хочет и может совершить революцию». Вскользь упомянута и «ненависть Ленина к старой России»¹⁰, которая сопряга-

⁴ Троцкий Л. О Ленине: материалы для биографа. М., 1924. С. 13.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Там же. С. 21.

⁷ Там же. С. 42.

⁸ Там же. С. 42—43, 45—46.

⁹ Там же. С. 55.

¹⁰ Там же. С. 61—64.

лась с ненавистью масс (особенно солдатской), что обеспечивало эмоциональную составляющую революции, её энергетический ресурс¹¹.

Характеризуя взгляды Ленина 1917—1918 гг. в разделе «Правительственная работа», Троцкий привёл несколько показательных эпизодов. «По инициативе тов. Каменева был отменён введенный Керенским закон о смертной казни для солдат... Ленина при этом ещё не было. Дело происходило, очевидно, до его прибытия в Смольный. Когда он узнал об этом первом законодательном акте, возмущению его не было конца. “Вздор, — повторял он. — Как же можно совершить революцию без расстрелов? Неужели же вы думаете справиться со всеми врагами, обезоружив себя? Какие ещё есть меры репрессии? Тюремное заключение? Кто ему придаёт значение во время гражданской войны, когда каждая сторона надеется победить?”. Каменев пробовал доказывать, что дело идет лишь об отмене смертной казни... для дезертиров-солдат. Но Ленин был непримирим. Для него было ясно, что за этим декретом скрывается непродуманное отношение к тем невероятным трудностям, которым мы идём навстречу. “Ошибка, — повторял он, — недопустимая слабость, пацифистская иллюзия” и пр. Он предлагал сейчас же отменить этот декрет. Ему возражали, указывая на то, что это произведёт крайне неблагоприятное впечатление. Кто-то сказал: лучше просто прибегнуть к расстрелу, когда станет ясным, что другого выхода нет. В конце концов на этом остановились»¹².

Следующий эпизод относится к началу немецкого наступления в феврале 1918 г.: «Мы начали с воззвания. Написанный мною проект — “Социалистическое отечество в опасности” — обсуждался вместе с левыми эсерами. Эти последние в качестве новобранцев интернационализма смутились заголовком воззвания, Ленин, наоборот, очень одобрил: “Сразу показывает перемену нашего отношения к защите отечества на 180 градусов. Так именно и надо!”. В одном из заключительных пунктов проекта говорилось об уничтожении на месте всякого, кто будет оказывать помощь врагам. Левый эсер Штейнберг, которого каким-то странным ветром занесло в революцию и даже взметнуло до Совнаркома, восставал против этой жестокой угрозы как нарушающей “пафос воззвания”. “Наоборот, — воскликнул Ленин, — именно в этом настоящий революционный пафос (он иронически передвинул ударение) и заключается. Неужели же вы думаете, что мы выйдем победителями без жесточайшего революционного террора?” Это был период, когда Ленин при каждом подходящем случае вколачивал мысль о неизбежности террора»¹³.

Троцкий отметил «могучий идеализм Ленина, его напряжённую волю, которая на резком повороте двух эпох сжимала этапы и сокращала сроки. *Он верил в то, что говорил.* И этот фантастический полугодовой срок для социализма представляет собой такую же функцию ленинского духа, как и его реалистический подход к каждой задаче сегодняшнего дня. Глубокое и неукротимое убеждение в могущественных возможностях человеческого развития, заплатить за которое можно и должно любой ценой жертв и страданий, составляло всегда главную пружину ленинского духа»¹⁴. В этом фрагменте слова о вере Ленина в свои оценки, планы, предназначения сам Троцкий отметил курсивом.

¹¹ Об эмоциональной стороне революции, её психодинамике см.: *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

¹² *Троцкий Л.* О Ленине... С. 101.

¹³ Там же. С. 104.

¹⁴ Там же. С. 112—113.

Из очерка можно почерпнуть многое, но выделю суждения о терроре как необходимом условии для победы в революции. И в этом Ленин реалист, реалист как бывает на войне, когда полководец расправляется с пленными по тем или иным соображениям. Что касается упомянутых сроков строительства социализма — в кратчайшие исторические сроки, в каких-то полгода, — то в этом проявился его утопизм. Однако Троцкий далёк от того, чтобы критиковать Ленина. Они оба были убеждены, что пламя мировой революции вот-вот охватит земной шар.

Из числа некрологов, написанных деятелями социалистического направления, выделяется статья Чернова «Ленин». Это, на мой взгляд, лучшая публикация аналитического характера. Из неё можно извлечь ряд кратких и ёмких оценок личности умершего: «самый крупный характер из выдвинутых русской революцией»; «человек “с истиной в кармане”»; «монодеизм был его слабостью и его силой»; «теоретик классовой борьбы и её апогея — гражданской войны»; «концентрированный волюнтаризм... личности»; «политический боксёр на арене социальных распрей»; эмпирик, экспериментатор, игрок; «насмешливый, язвительный, цинический ум»; «не фейерверкер слов и образов», не оратор, но «побольше оратора»; «плебей по привычкам и натуре»¹⁵. Представляется, что эта выборка определений не вызовет существенных возражений ни от идейных противников Ленина, ни от его апологетов. Перечень схватывает многое и достаточно политически корректен. Кто-то может считать неприемлемыми такие выражения, как, например, «игрок» и «цинический ум», но это не меняет общей цельности композиционной мозаики.

Отталкиваясь от тех или иных определений, Чернов в ряде случаев разъясняет и обосновывает их, но порой этого не делает. Последнее, видимо, объясняется тем, что есть определения и заключения, которые для его современников были настолько бесспорны, что особого обоснования и не требовали. Кратко изложу положения статьи, в которых автор стремится сделать более рельефным своё понимание личности Ленина.

Почему Ленина можно назвать «некоронованным королём» возглавляемого им движения (похоже, Чернов имеет в виду не партию, а именно движение масс, включавшее партию)? Потому, что он и голова движения, и его воля, и даже его сердце. С одним добавлением: но вот ум у него холодный. И здесь Чернов рассуждает: «В политике есть лишь расчёт. В политике есть лишь одна заповедь: добиться победы. Одна добродетель: воля к власти для осуществления своей программы. Одно преступление: нерешительность, упускающая шансы успеха... А так как политика есть лишь скрытая форма войны, то правила войны суть правила политики»¹⁶. И тот, кто это усвоил, может обходиться без сентиментальности, игнорируя все этические нормы и заповеди. Отсюда для Ленина прежде всего революционный долг, рождающий бессердечность даже к себе, не говоря уже о других. Отсюда и извращённость понятия «честного политика». Честным надо быть перед революционным долгом, а не по отношению к противнику. Ленин переносится «по ту сторону совести» — таков нравственный вердикт автора.

¹⁵ Чернов В.М. Самый крупный характер революции // Родина. 1990. № 4. С. 14—16. Здесь и далее я делаю ссылки на более доступные для читателя современные перепечатки статей-некрологов. См. также: Вождь. Ленин, которого мы не знали / Сост. Г. Сидоровнин. Саратов, 1992.

¹⁶ Чернов В.М. Самый крупный характер революции. С. 14.

Как и многие другие публицисты, Чернов выделил «ленинскую волю»: «Его волевой темперамент был, как стальная пружина, которая тем сильнее “отдаёт”, чем сильнее на неё нажимают»¹⁷. Следуя рассуждениям и метафорам Чернова, можно сформулировать такой вывод: идеологическое начало, организационный талант и психоволевая природа — вот тот сплав, из которого революционные среда и одержимость изваяли «необыкновенную целостность натуры Ленина».

Заслуживают внимания и такие рассуждения опытного и не раз битого революционными событиями политика: «Удача венчает лишь тех, кто умеет держаться до конца даже в явно безнадежном положении». Ленин из тех, кто умел сопротивляться неудачам и не упускать «слепого дара судьбы». Он изобретательно изыскивал пути к выходу из сложных исторических ситуаций, нащупывал дорогу к успеху. «Он был большим мастером в оценке любой наличной политической ситуации, великолепно ориентировался в ней, метко схватывал в “текущем политическом моменте” всё, что его отличало от предыдущего, и проявлял большое практическое политическое чутьё в предвидении ближайших его политических последствий». В планировании революционного действия и быстроте реализации замысла Ленин сравнивался с фехтовальщиком. Может показаться, что Чернов восхищался политическим соперником. Возможно, такое чувство и присутствовало, но, может быть, это лишь объективная фиксация его тактической гениальности.

Однако относительно стратегических способностей мнение автора иное: «И с этим непосредственным тактическим здравомыслием в необычайно резком на первый взгляд противоречии стояла абсолютная беспочвенность и фантастичность всех его прогнозов более широкого исторического размаха, и всех его программных идей и планов, рассчитанных не на сегодня и не на завтра, а на целую переживаемую эпоху». Для Чернова «гениальная прозорливость» Ленина — миф: он «не раз выводил партию из самых отчаянных ситуаций, превращался в какое-то чудо», что приписывалось «его гениальной прозорливости, т.е. как раз тому качеству, которого у него в большом, историческом масштабе совершенно не было»¹⁸. Понимая, что это утверждение вызовет отрицание, он привёл в качестве примера аграрную программу РСДРП начала XX в. и «похищение» большевиками эсеровской аграрной программы в 1917 г. Другой пример воплощения в жизнь неудачного плана — попытка форсированного строительства социализма. Я в целом солидарен с тезисом о мифологической природе суждений о «гениальной исторической прозорливости Ленина», однако убеждён в том, что дальнюю историческую перспективу не дано уловить ни одному человеческому уму и ни в какое время¹⁹.

От небольшого экскурса в «карательную экспедицию в область философии» (единственный некролог, в котором помянут «Материализм и эмпириокритицизм») Чернов перешёл к проблеме идейной диктатуры. Своё отношение он выразил так: Ленин «не ценил творческих исканий истины, не уважал чужих убеждений, не был проникнут пафосом свободы». Он был привержен «чисто азиатской идее сделать печать, слово, трибуну, даже мысль монополией

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 15.

¹⁹ Эпистемологический критицизм ближе к научной истине, чем футурологические прогнозы (вспомним хотя бы сравнительно недавнего Ф. Фукуяму с его «концом истории»).

одной партии, возведённой в ранг управляющей касты». Но этот «толкователь и перетолкователь» марксистской доктрины в её границах «достигал большой и своеобразной силы», которая сказывалась «в необычайной, в абсолютной ясности, можно сказать прозрачности всех положений», «всё конкретизировалось и упрощалось до последних пределов возможного». В его ораторских приёмах — многократной вариации одной и той же мысли, логической нацеленности композиции на конечную цель, напористости и др. — присутствовала ещё и направленность на «наибольшее давление на волевое состояние аудитории»²⁰.

Как мыслитель Ленин «не был догматиком по натуре», но Чернову он чужд. Интеллект большевистского вождя представлялся эсеровскому теоретику лишь инструментом, подобно топору мастера в деревянном зодчестве. Он «влюблялся не в стройность и симметрию головного творчества, а лишь в успех на арене политической и революционной “игры”, где надо поймать момент и сорвать ва-банк»²¹. Ленин был опасен в «своей маниакальной сосредоточенности» на революции. И Чернов сравнивает его с «великим инквизителем» Т. Торквемадой. Страстно влюблённый в историческую миссию пролетариата, его гегемонию, диктатуру, Ленин в принципе оставался равнодушен к конкретной человеческой личности и её праву на обеспеченную здесь и сейчас жизнь.

Завершали некролог рассуждения о ленинском понимании диктатуры пролетариата. Он создал «восходящую систему» «диктаториальных кругов — подобных кругам Дантова ада», которая «являлась универсальной теорией диктаториального, опекунского социализма». Для Чернова ленинская трактовка и большевистская практика — полная противоположность научному социализму, идеал которого — система хозяйственной демократии, а не огосударствление народного хозяйства. И она не имеет будущего, так как подвергнется действию «неумолимых законов размагничивания и распада»²².

Черновские характеристики хорошо дополняет некролог из «Социалистического вестника». В нём идёт речь о среде, породившей феномен Ленина, о присущих русской общественности и социал-демократическому движению двух противоположностях, полюсах: марксистском европеизме и стихии полуазиатской деревенщины («традиционные навыки к деспотическому командованию и слепому повиновению»). Выявление связи исторической личности и общественной среды — точка отсчёта в меньшевистской характеристике силы, гения и вождизма Ленина: он «был типичным сыном этой общественности. Его сила заключалась в том, что его несла её стихия; в том, что он был не из тех вождей, которые стараются поднять стихию на уровень сознательности, а из тех, которые, наоборот, становятся во главе стихии именно потому, что ей подчиняются. Его гений состоял в том, что он умел уловить все колебания стихии, её подъёмные порывы, как и судороги её разложения. Умел нащупать родственные ей струны и в мировом рабочем движении, отравленном войной, и всем этим умел воспользоваться, чтобы на этом зыбком фундаменте воздвигнуть трон своей *идее*, которая воплощалась для него *в нём самом*. Ибо *таким вождём такой стихии* только и может быть человек, который фанатично верит

²⁰ Чернов В.М. Указ. соч. С. 15.

²¹ Там же. С. 16.

²² Там же.

в свою историческую *миссию*, в свою историческую предназначенность и потому в свою непогрешимость»²³.

А известны ли вожди — не популисты, «которые стараются поднять стихию на ступень сознательности»? Такие вряд ли становятся вождями. Они или не признаются в этом качестве, или отказываются от него. Вождь, как свидетельствует социальный опыт, входит в историю как популист, организатор, идеолог и, зачастую, пропагандист «всего лучшего». Ни Плеханов, ни Мартов, ни Чернов вождями не стали. Их максимум — круг партийных сторонников и громкая известность в качестве талантливых политических мыслителей-идеологов, публицистов-теоретиков, авторов ярких инвектив.

Меньшевистские лидеры отметили политический гений Ленина, его фанатичную веру в себя, убеждение в том, что личная власть — орудие для переворачивания мира. По-иному можно сказать — ощущение мессианского призвания. Он обладал «свойствами вождя секты»: «Лично он был совершенно лишён тщеславия, бескорыстен в буквальном смысле этого слова, — “горел идеей”. Но сквозь все его шатания и колебания, подчас поражающие своей беспринципностью и моральной неразборчивостью, сквозь все зигзаги его партийной, политической и государственной деятельности красной нитью проходит за все 30 лет один незыблемый, руководящий принцип: партия — это я! рабочий класс — это я! коммунизм — это я! государство пролетарской диктатуры — это я!»²⁴. Короткий, наспех написанный некролог (торопились дать в текущий, уже готовый номер журнала) не даёт полноты картины, но преисполнен внутренней убеждённости авторов как в политическом гении Ленина, так и в его мессианской и диктаторской пагубности для социалистического движения.

Правые меньшевики, представленные С.О. Португейсом²⁵, отозвались на смерть Ленина довольно односторонне. В «органе социал-демократической мысли» берлинском журнале «Заря» за подписью В.И. Талина (один из псевдонимов Португейса) была опубликована статья-некролог, которая фокусировалась на проблеме «Ленин и власть». основополагающий постулат её сформулирован так: «Не власть идеи освещала путь этого человека, а идея власти». При этом делался упор на презрение Ленина и к соратникам, и к «человеку вообще», с оговоркой, что «массы он презирал ещё больше, чем отдельных людей». Все организационные планы Ленина, начиная с 1902 г., строились «на идее готовых к подчинению масс», а сама социал-демократическая организация являлась для него лишь инструментом власти²⁶.

Ленин, будучи лично «человеком скромным и невзыскательным», при этом являлся «первосвященником» и «рыцарем» власти²⁷. То, что он не терпел возражений, объясняется просто: он защищал не себя, а идею власти. Почему же таковая столь ценна? Да потому, что власть нужна для осуществления социализма. Если продолжить эту мысль, то получается, что социализм строится усилиями «пролетарского» государства, а не творческими усилиями пролетар-

²³ Меньшевики в большевистской России. 1918—1924 / Меньшевики в 1922—1924 гг. / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М., 2004. С. 533.

²⁴ Там же.

²⁵ Почти забытого С. Португейса возвратил в ряды российских публицистов-мыслителей философ А. Кара-Мурза. См.: Кара-Мурза А.А. Первый советолог русской эмиграции: Семён Осипович Португейс (1880—1944). М., 2006.

²⁶ Талин В.И. У гроба Великого Диктатора // Заря. 1924. № 1. С. 7.

²⁷ Там же. С. 8.

ской массы. Образно это общество можно представить в виде пирамиды, фундамент которой — пролетарская масса, верхняя часть — РКП(б), а вершина — сам Ленин. «В нём начало и конец всех путей, ведущих к социализму. Ибо Ленин овладел тайной власти. Он тайновидец власти. Он сопричастен её святому духу. Он сам материализованный её дух». Почему же такое стало возможно в России? «В стране, не знавшей современных форм самоуправления, в которой крепко ещё сидели начала монархизма, не как политической системы, а как системы авторитарного мышления... идея власти должна была найти благодатную почву»²⁸. Корневая система диктатуры заложена не столько в насилии, сколько в авторитарном мышлении и руководителях, и масс.

Следующий тезис автора — о «дороге, ведущей к храму». Власть надо хотеть, власть надо любить, но её ещё надо заполучить и удержать. В умении реализовать захват власти «проявился гений Ленина». Дорогу к власти он разглядел через бунт и рождаемый им хаос, и гений его состоял в том, что этот хаос открывал дорогу к власти. Акцент делается на том, что «никогда Россия не имела столь пламенного бунтовщика, но никогда она не имела и такого пламенного жреца и чародея власти»²⁹. Заканчивается красиво написанная филиппика обобщающей фразой: «Так бунт, власть и презрение составляли основную гамму души Ленина». В общем, получился рентгеновский снимок, только не гениального политика, а политического скелета.

Ещё более односторонний и однотонный портрет дан в некрологе под названием «Великий неудачник» уже цитированного ранее эсеровского публициста Слонима. В его трактовке Ленин — не теоретик, не философ, не мыслитель, ибо его характеризует догматическое мышление: «Именно формальные качества ума сильны были у Ленина: хорошая диалектика, блестящие аналитические способности, умение упростить и расчлнить сложные проблемы, упорство в повторении и развёртывании основных тезисов, стремление дойти до внешне логического конца, до последнего вывода». Итак, диалектик, аналитик, логик — но не мыслитель. Противоречие поверхностно устраняется следующим заключительным пояснением: «Не теоретик, а тактик, Ленин был искусным политическим вождём — и в этом коренилась основа и причина его успеха»³⁰. Слоним считал, что Ленину были присущи целеустремленность и воля, он также согласен с тем, что цель всей его деятельности — власть. Овладев ею и опираясь на партийно-государственный аппарат и принуждение, верил вождь большевиков, в России можно построить коммунизм.

Слоним сравнил Наполеона и Ленина и выстроил их деяния в следующие ряды. У первого были не только 18 брюмера, но и пирамиды, итальянский поход, Аустерлиц, Иена. У второго — Брест-Литовск, голод, нэп и Рига. Рижский договор по потерям российской территории приравнивается к Брест-Литовскому, нэп относится к неудачам (видимо, по критерию «движение вспять»). «Что оставил Ленин России?» — вопрошал публицист и подводил печальный итог: «Насилие, угнетение, развалины, бесцельное разрушение и после короткого пира хаоса и ломки — возвращение вспять и возобновление разрушенного». Подчёркивалось банкротство всех ленинских начинаний и ставился вопрос: с чем Ленин входит в историю? Финальная инвектива такова: «большой

²⁸ Там же. С. 9.

²⁹ Там же.

³⁰ Слоним М. Великий неудачник. С. 7.

властолюбец, слабый теоретик, искусный стратег, упорный фанатик и великий неудачник»³¹.

Перечень высказываний современников можно было бы продолжить, ряд оценок, принадлежавших зарубежным деятелям культуры, приведён в статье В.П. Булдакова. Добавлю к ним ещё два голоса видных представителей германской политической мысли. Видный социал-демократ и деятель Социнтерна К. Каутский в статье «Уроки Октября» вносил в создаваемый портрет важный штрих: «В 1917 г. Ленин с его, как теперь видно, примитивным и крайним утопизмом, мог думать, что, завоевав власть, он сделает для пролетариата всё и несколькими примитивными ударами молота сколотит новое общество»³². Г. Штреземан, один из участников Ноябрьской революции 1918 г. и основателей Веймарской республики, написал по просьбе газеты «Известия» отзыв, в котором указывал: «Ленин обладал великой способностью объединять все силы, направленные к одной цели, и смелостью приводить свои планы в сочетание с достижимым. В этом смысле он был гением и как таковой займёт своё место в истории»³³.

Теперь, размышляя об исторической судьбе советского, по выражению Каутского, «сколоченного Лениным» общества, можно сделать обобщение о его чертах личности и месте в истории. Это убеждённость в правоте и научности марксизма и в правоте его собственной, ленинской, интерпретации революционного социалистического учения; крайняя революционность (некоторые современники квалифицировали её как бланкизм и якобинизм) и связанное с ней форсирование перемен (революционное нетерпение); вера в неизбежность и необходимость насилия и массового террора по отношению ко всем, кого можно причислить к врагам революции и социализма; мессианское отношение к своему революционному призванию. И с грустью замечу: перечисленные черты в той или иной степени присущи многим большим и малым революционным вождям (Мао Цзедун, Э. Ходжа, Ким Ир Сен).

Среди индивидуальных черт отмечались мощный аналитический ум, целеустремленность, трудолюбие, нестигаемость в столкновениях с трудностями, революционный дух и чутьё к настроениям и движениям народной стихии, дар нащупывания социальной опоры и политических рычагов, мобилизующих на борьбу и приводящих в движение революционный авангард и массы. Все эти качества и дарования сделали Ленина великим революционером вселенского масштаба. Но, благодаря стараниям сподвижников и эпигонов, особенно последующих поколений, они привели к идеализации личности, возникновению легенд и мифов. И точно так же обусловили последующую демонизацию. Фактических оснований для негативных суждений более чем достаточно. Деяния исторических личностей в большинстве случаев имеют тёмную, порой кровавую сторону. Утопии типа «мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем» превращают миллионы людей в рабов и подданных.

Необходимо понимать: Ленин это прежде всего революция, и его отношение к человеку всегда сшивалось и расшивалось революционными нитями. Поэтому ему легче было любить идеальный образ пролетария, который выполняет

³¹ Там же. С. 8.

³² Социалистический вестник. 1925. № 6 (4 апреля). С. 11.

³³ Политики и писатели Запада и Востока о В.И. Ленине / Под ред. Вл. Виленского (Сибирякова). М., 1924. С. 26.

своё историческое предназначение, чем конкретных обуховских или сормовских рабочих с их неухоженными и не страдающими ожирением жёнами и детьми.

Был ли Ленин прозорлив в своих политических планах-прогнозах? Если на этот вопрос вслед за его политическими противниками ответить «нет», тогда логично поставить другой — почему же его считают гениальным политиком? Потому, видимо, что он обыгрывал своих противников и соперников. Выигрывал Ленин по многим причинам, в числе которых немалое значение имели его целеустремленность, аналитический ум и воля, а также неожиданные, порой авантюристические ходы и прорывы. Да, в июле 1917 г. большевикам не удалось захватить власть, но, спустя несколько месяцев это получилось. Да, большевики смогли удержать государственную власть и одержать победу в Гражданской войне. Да, большевики смогли построить «социалистическое государство», т.е. в краткосрочной исторической перспективе одержаны видимые достижения. Но главный итог подвело время в конце того же XX в. Социалистический проект воплотился в сталинском государстве-партии, сопровождаемый вождизмом, жёсткой плановой экономикой, перенапряжением народных сил, отсутствием свободного волеизъявления, массовыми репрессиями.